

воспитание, направленное на «возделывание», культивирование «природы человека». Эти два элемента образования неразрывно связаны друг с другом. «Теперь образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей» [1, с. 51].

Таким образом, распространение научных знаний и новых философских идей в эпоху Просвещения неумолимо вытесняло нерациональные формы сознания социума и привело к его структурно-содержательной перестройке, следствием которой явилась всевозрастающая его рационализация и имманентно связанная с ней секуляризация. Интеллектуальная революция означала процесс демократизации культуры и предполагала утверждение и реализацию свободного, равного и всеобщего права человека на распоряжение своими интеллектуальными способностями и результатами их приложения.

Литература и источники

1. Гадамер, Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н.Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Habermas, J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas; transl. by T. Burger, F. Lawrence. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. – xix, 301 p.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О СУБЪЕКТЕ У ХАЙДЕГГЕРА И ПЛОТИНА

Д. В. Малахов

В современном мире человечество сталкивается с конфликтом, который имеет разнообразные формы, содержательные инварианты, степени раскрытия, однако назван он может быть просто: сохранение исторических форм жизни человечества основывается на необходимости технологического разрушения форм и порядка существования сферы сущего. Систем ценностей, исчерпывающе манифестированных в нормативах милосердия в отношении человека, фактически не существует в отношении сущего в целом. Непроясненным остается и вопрос о связи бытия и мышления человека с бытием сущего, его судьбой и самим высшим началом – будь это Бытие у М. Хайдеггера или Единое–Благо у Плотина. Обращение к Плотину (с которого начиналась идея полного, но непрямого присутствия Блага во множественном сущем) и М. Хайдеггеру (с которым эта идея фактически закончила свое существование) в контексте ценностного аспекта субъективности не является для нас случайным. Рассмотрим эти положения последовательно.

1. Истоком обращения к данной теме стали современные исследования плотиноведов, обсуждающих вопрос о свободе на всех уровнях действий вертикальной триады «Единое–Ум–Душа». У исследователей, отстаивающих свободный характер эманаций (или же действия, следствием которого является эманация), ясно прослеживается тенденция некой формы личностного рассмотрения

ипостасной триады Плотина. Хотелось бы особо выделить работы Дж. Риста [1], И. В. Берестова [2], Л. Вестры [3], Это – сложный и неоднозначный момент, если следовать традиционным (и, пожалуй, неверным) взглядам на вертикальную триаду, исторически сформировавшимся на границе уяснения и интерпретации неоплатонизма христианскими авторами.

2. В историко-философских исследованиях зачастую выдвигаются положения о том, что в античной философии нет разработанного понятия личности. Его появление связывается, скорее, с Августином Аврелием и христианством благодаря таким специфическим конфликтам, как утрата естественных оснований воли, разделение разума на человеческий и благодатный и т. д. Однако А. Ф. Лосев отмечает, что сфера эйдосов, содержащихся в Уме и тождественных Уму, выступает в качестве принципа индивидуализации сущего [4]. И, как бы сомнительно не звучало данное утверждение в контексте фундаментальной онтологии Хайдеггера (в этом случае «принцип индивидуализации» как раз и означал бы, что бытие мыслится исходя из сущего), это имеет смысл с той точки зрения, что понятие субъекта, которым оперирует Плотин, не только свидетельствует о разработанности темы субъективности, но и о ее богатстве по сравнению с современными концепциями, развивающимися в контексте индивидуализации и фактически игнорирующими проблему личности и ее свободного служения. Субъектом у Плотина («ὄλοκεῖμενον») выступает неопределенное подлежащее, как бы исходя из которого индивидуальная душа открывает путь созерцания Единого или Блага (более в ходу термин «восхождение» или «диалектика»). Таким образом, захватывающее индивидуальную душу стремление к Единому или Благу образует специфику всецелой человеческой включенности в познание на фоне своего рода истока, который, однако, не предшествует, но, скорее, сопутствует сущему, – «ὄλοκεῖμενον» (материя, не-сущее, всецелая лишенность).

3. Исходя из сказанного, отношения субъекта и объекта у Плотина строятся таким образом, что объект предшествует субъекту, задает онтологическую «планку» мышления (стремления, созерцания – эти моменты нераздельны), как бы «вырывает» его из неопределенного подлежащего, обосновывая его как состоявшееся. Это – принцип его триады: ипостасное бытие, чтобы со-причастствовать благу, т. е. быть благим (а иное ипостасное бытие Плотин вообще не рассматривает в качестве истинного), нуждается в вышестоящем начале – благом начале самом по себе (Единое) или превосходящим мерой блага собственное ипостасное существо. Говоря проще, чтобы быть собой и свободным, субъекту необходимо вышестоящее начало – объект, некий двоякий телос – истинная жизнь, которая, пребывая с одной стороны как бы вне субъективного содержания, с другой стороны есть глубина и подлинность самого субъекта [1, с. 55].

4. Именно об этом типе античного субъекта и говорит М. Хайдеггер, выстраивая концепцию «чистого именованья» как отступления перед сущим, которую мы с полным правом можем назвать «ценностной» в онтологическом смысле. Субъект «вы-ступает» в просвет бытия и именно характер этого «вы-ступания» является предметом анализа, а вовсе не субъект как деятельность, исходящая из собственного субстанциального подлежащего. Следует вспомнить, что и гуссерлевское трансцендетальное Ego словно висит в пустоте, не имея никакого

внутреннего самообоснования, никакого субстанциального подлежащего (есть только универсальное априори – интенциональность, «остающееся» в виде подлежащего естественной установки). При этом объективный мир *полагается* трансцендентальным Ego – «духом» или чистой субъективностью [5, с. 68–69], в то время как подлинным «объектом» Ego выступает жизнь чистого сознания – активный трансцендентальный синтез абсолютно ответственного мышления, двояко включившего в себя объективный мир (в естественной и феноменологической установках). М. Хайдеггер фокусирует способ существования среди сущего, которым человек хранит бытие в его собственной нужде в «сосредоточенном сущем» и в «человеке-хранителе» [6, с. 457]. Ответственность человека за бытие, бытие сущего и себя самого осуществляется в экзистенции, означающей «выступление в истину Бытия» и именующей «определяющее место человека в истории истины. Фраза «человек эк-зистировать» отвечает не на вопрос, существует ли человек в действительности, она отвечает на вопрос о «существовании» человека. ... В качестве экзистировующего человек несет на себе бытие-вот (Dasein), поскольку делает «вот» как просвет Бытия своей «заботой». А бытие-вот существует как «брошенное». Оно коренится в броске Бытия как посылающее-исторического [7, с. 199–200]». Таким образом, субъект у М. Хайдеггера можно назвать трансцендентальным весьма условно: он не полагает сущее, но *вместе с ним* как бы *исходит* в просвет, где бытие положено в своей истине.

5. Платиновское созерцание высшего начала низшим, в котором первое присутствует всецело, на наш взгляд вполне коррелируемо с «экзистенцией» М. Хайдеггера. Плотин прямо говорит в V.3.15, что Единое, содержа в себе все вещи, содержит не их совокупность, а их *бытие*, обуславливая и сохраняя единство каждой из них в Уме как истинно сущих и распространяя в Душе как сущих в многообразии [8, с. 89]. Созерцание единства в себе и Единого или Блага требует, как показывает Плотин в V.1.5. «собственной совершенной глубины» [9, с. 59]. Говоря об ипостасях триады как об особых действиях изначальной мощи [1], мы вправе поставить следующие вопросы: какое именно действие содержится в интимных глубинах сущего у Плотина? сходно ли оно с действием, которое совершает обосновывающее мышление у М. Хайдеггера? Считаем справедливым и обоснованным вывод И. В. Берестова о платиновской свободе как «свободе полагания своего подлежащего» [2, с. 221], совершаемого *для* ипостасей и сущего, а не ради себя, поскольку, как замечает также В.В. Болотов, Первоначало Плотина не нуждаясь ни в чем, «не имеет нужды даже в самом себе» [10, с. 23]. Что в данном случае может означать действие для другого?

6. И. В. Берестов интерпретирует такое действие как «распространение Блага, в соответствии с которым «Первоначало есть Благо как благое действие лишь по отношению к иному», сущностью которого (действия) оказывается противостояние «распространению зла» или «ограничению свободы», т. е. как «распространение свободы» [11, с. 311–312]. Действительно, *свобода от не-сущего*, рассматривается Платином в VI.5.1 в качестве присутствия Блага во всех вещах: «...как это, спрашивается, благо могло бы находиться где-то вне сущего, т.е. падать в область не-сущего? Так как благо не есть же что-либо не-сущее, то ясно, что оно может находиться лишь в области сущего. А если это так, если благо само есть сущее и

находится всегда в сущем, то это значит, что пребывая в самом себе, оно в то же время присуще и каждому из нас» [12, с. 172–173]. Таким образом, природа индивидуальной души, как и природа сущего в целом, подразумевает у Плотина *нужду* в освобождающем действии Единого или Блага, которое также нуждается в ином, чтобы быть Благом. Итак, Благо дарует свободу от не-сущего, обретаемую в созерцательном возвратном движении к Первоначалу. Фактически, это есть свобода служения, в котором не уничтожается, но постоянно преодолевается неопределенное подлежащее – ὑλοκεῖμενον. О том, что такое преодоление не имеет цели в себе, проясняется обращением к экстатике Dasein у М. Хайдеггера.

7. Экзистенция у М. Хайдеггера реализуется в акте чистого именованя. Ценностный аспект экзистенции и акта именованя заключается в том, что в сфере имен именуемый «входит ... лишь для того, чтобы самому *перед* сущим *отступить на задний план*. Тогда сущее есть чистый феномен. В высказывании, наоборот, высказывающий принимает участие тем, что включает себя, – и он включает себя как тот, кто наклоняется *над* сущим, чтобы вести наблюдение над ним и говорить *о* нем» [13, с. 124]. Возникающая вследствие отступления дистанция между бытием и сущим задеиствует сущее в возможности его собственного экстатического вступления в истину Бытия. Выступая мерой сущего, человек «*есть* это отношение соответствия, и он есть только это. «Только» – это не означает ограничения, но избыток» [14, с. 74]. По сути дела, в феноменологии мы сталкиваемся с ценностным императивом как телеологией человеческого существования. Отличительной же чертой хайдеггеровской философии становится то, что воля к господству замещается способом существования и мышления, в которых устанавливается сфера равенства бытия, человека и сущего, предполагающая не индифферентное тождество, а возможность *быть* в качестве истины бытия во взаимопринадлежности. Говоря языком Плотина – в виде единства по образу Блага.

Подводя итог сказанному, зададимся вопросом: каким образом мыслящий человек – личность – является средоточием восполнения нужды? Отвечать на данный вопрос формально, наподобие того, что человек является венцом творения, – бессмысленно, поскольку такой ответ никоим образом не объясняет долг милосердия в отношении сущего. Иначе говоря, провозглашение вверенности человеку судеб творения легко превращается в констатацию его субстанциального превосходства, подчиняющего наличный для него универсум в научной, практической и эстетической деятельности. Как показывает обращение к двум великим философам, онтологическая со-размерность человека и сущего устанавливается не на уровнях бессознательного и восприятия – инстинктов, привычек, чувств, эмоций, аффектов, где человек и сущее представляют родовую всеобщность психо-биологической формации, а на уровне сознания, понимать ли его как знание себя из созерцания высшего начала (объекта) у Плотина или полную экзистенциальную включенность (заботу) как ответ на *Зов Бытия* у М. Хайдеггера. Не проясняют ли телос личности слова Плотина, сказанные на смертном одре и донесенные до нас его учеником Порфирием: «Стремлюсь возвести божественное во мне к божественному во всем»?

Литература и источники

1. Рист, Дж. М. Плотин: путь к реальности / Дж. Рист. – СПб.: Изд-во «Олега Абышко», 2005. – 320 с.
2. Берестов, И. В. Свобода в философии Плотина / И. В. Берестов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 382 с.
3. Westra, L. Plotinus and Freedom: A Meditations on Enneads 6.8 / L. Westra. – Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, 1990. – 238 p.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1980. – 766 с.
5. Савин, А.Э. Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля / А. Э. Савин; Югорский гос. ун-т. – Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008. – 210 с.
6. Хайдеггер, М. Гераклит: 1. Начало западного мышления. 2. Логика. Учение Гераклита о Логосе / М. Хайдеггер; пер. с нем., авт. послесл. А. П. Шурбелев. – СПб.: [б. и.], 2011. – 504 с.
7. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. Бибахин В.В. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
8. Плотин. О субстанциях интеллектуальных и о верховном начале (Энн. V.3) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю. А. Шичалина, 1995. – С. 96–113.
9. Плотин. О трех первых началах, или субстанциях (Энн. V.1) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. – С. 52–67.
10. Болотов, В. В. Учение Оригена о Св. Троице // Собрание церковно-исторических трудов. – Т. 1: Учение Оригена о Св. Троице / Изд. подгот.: А. В. Храпов, С. В. Дубаренко; редкол.: А. И. Сидоров (пред.) и др.; вступ. ст. А. И. Сидорова. – М.: Мартис, 1999. – XL, 583 с.
11. Берестов, И. В. Необходима ли эманация? / И. В. Берестов // Рист, Дж. Плотин: путь к реальности. – СПб.: Абышко О., 2005. – С. 289–318.
12. Плотин. О том, что единое тождественное сущее везде во всем присутствует во всей своей целостности (исследование второе) (Энн. VI.5) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. – С. 172–185.
13. Хайдеггер, М. Семинар в Ле-Торе, 1969 г. / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 123–151.
14. Хайдеггер, М. Закон тождества // Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 69–79.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ «КРИТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА» А. МАРБУРГА

Е. В. Адамейко

Позитивистская стратегия стало одним из самых влиятельных направлений в западноевропейской философии, в рамках которой происходило предметное самоопределение философии. Однако регион распространения позитивизма не ограничивался только Западной Европой. Оригинальная программа позитивизма